1 Почему они скрывали свое происхождение?

БЕЙТ-ДИН ШЛОМО:
открытые слушания

Избранные отрывки книги «Млахим I» помогают восстановить общую картину дела, но оставляют место для вопросов.

Детективная история

3:16 И тогда две женщины **неизвестного происхождения** пришли к мелеху и предстали перед ним.

3:17 И одна из этих женщин сказала: «Прошу тебя, мой господин. Я и эта женщина проживаем **в одном доме**, и вместе с ней я родила ребенка **в этом доме**.

2 3:18 **На третий день** после того, как у меня родился ребенок, у этой женщины тоже родился ребенок. Мы были вместе. Ни одного другого человека не было

3 с нами **в этом доме**. Никого – только мы двое были **в этом доме**.

3:19 Сын этой женщины умер ночью, так как она его придавила.

3:20 А она встала посреди ночи и забрала моего сына, ***(спящего)*** рядом со мной, **а твоя служанка спала**. Она положила его к себе, а ее сына, мертвого, положила ко мне.

3:21 Я встала утром, чтобы покормить моего сына, и вот, он был мертв! И присмотрелась я к нему утром, и вот, это не тот сын, которого я родила!

Показания сторон

3:22 Другая женщина сказала: «Нет же, мой сын — он жив, а твой сын — тот, что умер». А та ***(первая)*** сказала: «Нет, твой сын — тот, что умер, а мой сын — тот, что живой». И так они спорили перед мелехом.

Резюме и вердикт бейт-дина

3:23 **И (так) сказал мелех**: «Эта говорит: «Это мой сын — тот, что живой, а твой сын – тот, что умер», а эта говорит: «Вот и нет, твой сын — тот, что умер, а мой — тот, что жив».

3:24 И сказал мелех: «Принесите мне меч!». И принесли меч ***(и положили)*** перед мелехом.

3:25 И сказал мелех: «Разрежьте живого ребенка напополам, и дайте половину одной и половину другой».

Следственный эксперимент

3:26 И сказала ***(тогда)*** **та женщина, чей сын был жив**, ***(обращаясь)*** к мелеху, потому что ее переполнила жалость к ее сыну. И сказала: «Прошу тебя, господин, отдайте ей этого живого ребенка, и не убивайте его».

Но другая сказала: «Ни мне, ни тебе пусть он не достанется. Режьте!».

3:27 И заговорил мелех и сказал: «Дайте ей живого ребенка и не убивайте его. Она — его мать».

Вирусный эффект

3:28 И весь Израиль услышал о том постановлении, которое вынес мелех, и испытали трепет перед мелехом, потому что увидели, что в нем ***(говорит)*** мудрость ***(от)*** Б-га, ***(и она помогает ему)*** вершить справедливость.

в облегченном переводе на русский язык

5 Почему Шломо ha-Мелех сократил показания сторон?

4 Если она спала, то как она могла знать, что делает ее соседка?

БИРКОТ hA-ШАХАР
«ШМА»
ТФИЛА
МИНХА
МААРИВ

2 Почему важно знать, что второй ребенок родился именно на третий день?

3 Почему в ее показаниях так часто употребляется слово «дом»?

6 Так кто же все-таки настоящая мать?

ОТВЕТЫ – НА СЛЕДУЮЩЕЙ СТРАНИЦЕ

БИРКОТ hA-ШАХАР
«ШМА»
ТФИЛА
МИНХА
МААРИВ

ФИНАЛЬНАЯ БИТВА

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА В РАССЛЕДОВАНИИ, КОТОРОМУ ОКОЛО 2800 ЛЕТ

Итак, кто же из участниц бейт-дина Шломо оказалась настоящей матерью? Кому принадлежат слова: «Ни мне, ни тебе!»? Чтобы узнать ответ, исследователи возвращаются к сцене предварительных слушаний.

Вопрос для анализа

Главное, что привлекает внимание экспертов при анализе показаний сторон, – это их явная симметричность. Напомним, что Шломо ha-Мелех суммирует их в двух утверждениях:

> «Эта (истица №2 – прим. ред.) говорит: **«Это мой сын – этот, живой; а твой сын – мертвый»**, а та говорит: **«Вот и нет, твой сын мертвый, а мой – живой»**.
> (КНИГА «МЛАХИМ», 3:23-25)

Если предположить, что одна из участниц суда искренне заблуждается в личности своего сына, а не пытается обмануть бейт-дин, то показания матерей должны были бы строиться примерно одинаково:

- Это мой сын!
- Да нет же, это мой сын!

Но в данном случае они зеркально отражают друг друга: там, где одна истица сначала говорит о живом ребенке, вторая начинает с того, кто умер. Проводя свой тонкий анализ этой сцены, крупнейший исследователь Танаха Мальбим отмечает это как явную странность.

Но о чем она говорит?

Ключ к ответу

Для того, чтобы все встало на свои места, нужно учесть еще одну деталь: где в это время находится тот самый живой ребенок, который стал объектом судебного разбирательства? Оказывается, непосредственно перед участницами суда.

Это косвенно подтверждает строение ивритской фразы זֶה–הַבֵּנִי הַחַי [ЗЕ БНИ hA-ХАЙ] - **«Это мой сын – этот, живой»**. Использование определенного артикля הַ– [hA] вместе со словом חַי [ХАЙ] говорит о том, что слова истицы №2 относятся ко вполне конкретному мальчику. Можно даже представить себе, как в этот момент она указывает на него рукой.

Остается лишь вернуться к показаниям сторон и решить, какой из двух утверждений – **«Это мой сын»** или **«Твой сын мертв»** – прозвучит естественно для родителя, который в этот момент смотрит на своего младенца? О чьем сыне он будет говорить в первую очередь: о своем или о чужом?

Очевидно, что центром забот любой матери является ее собственный ребенок. И никакое волнение, вполне естественное на суде, не заставит ее говорить о второстепенных вещах вместо того, чтобы бороться за его жизнь.

Вообще каждая из участниц спора совершенно естественным образом ставит на главное место в предложении упоминание именно о своем сыне. Ключевую фразу **«Мой ребенок жив»** первой и единственной произносит истица №2. Характерно, что в пересказе Шломо именно ее показания вынесены на первый план, хотя она давала их последней.

И наоборот, первая истица начинает обмен аргументами с упоминания о погибшем ребенке. Упоминая о нем, она в очередной раз пытается подтвердить свою тщательно спланированную линию о кознях конкурентки. Создается впечатление, что ее основная задача – даже не отсудить себе живого сына, а найти дополнительные доказательства к своим обвинениям в ее адрес. И тем самым она выдает себя еще до проведения знаменитого следственного эксперимента.